

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288>

<https://elibrary.ru/WIPZXP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Энтомологическая утопия Шарля Нодье

© 2025, В.А. Мильчина

Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского
Российского государственного гуманитарного университета,
Российская государственная академия народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация: Шарль Нодье (1780–1844) — один из тех писателей, которые были заморожены миром насекомых, причем Нодье не только посвящал им свои художественные произведения, но и был профессиональным энтомологом. Однако наиболее интересная сторона проблемы «Нодье и насекомые» — это не вклад писателя в энтомологию и не нарисованные им чрезвычайно выразительные описания насекомых и «охоты» на них, а философская интерпретация, которую Нодье дал в нескольких своих статьях и рассказах царству насекомых. Нодье изображает это царство как мир, подобный человеческому, но несравненно более прекрасный, как особую цивилизацию, не только параллельную человеческой, но и во многом ее превосходящую. В статье «О палингенезии человечества и о воскресении» Нодье выдвинул парадоксальную и даже шокирующую концепцию: процесс сотворения мира, описанный в библейской книге Бытие, не закончен, и на смену нынешнему человеку должно рано или поздно прийти другое, высшее существо, которое Нодье назвал «существом понимающим». Нодье, вообще смотревший на современную цивилизацию крайне пессимистически, в этом случае попытался увидеть некоторую позитивную перспективу в судьбах человечества. Но от подобного оптимизма он довольно быстро отказался и вернулся к прежнему взгляду на цивилизацию насекомых как более разумную, нежели человеческая. В крайней форме эта скептическая по отношению к человеку концепция изложена в «первобытном апологе» (авторское определение жанра) «Человек и муравей». Разочаровавшись в перспективе создания «существа понимающего», о котором идет речь в статье «О палингенезии», Нодье сулит человеку поражение от существа высшего порядка — муравья-термита. Энтомологическая утопия Нодье, столь радостная и бодрая в истории безупречного насекомого Грандисона, в «первобытном апологе»

о муравье Термесе приобретает совсем иной колорит, более отвечающий пессимистическому мировидению Нодье в 1830-е гг.

Ключевые слова: Шарль Нодье, энтомология, палингенезия, утопия.

Информация об авторе: Вера Аркадьевна Мильчина — ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

Для цитирования: Мильчина В.А. Энтомологическая утопия Шарля Нодье // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 261–288. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288>

Насекомые играли большую роль в жизни французского писателя Шарля Нодье (1780–1844). Во-первых, он внес некоторый вклад в энтомологию как науку. Собственно, его карьера началась не с литературных, а с энтомологических публикаций: в 1798 г. он выпустил «Рассуждение о назначении усиков у насекомых и об их органе слуха» (совместно с Ф.-М.-Ж. Люкзо), в 1801-м — «Энтомологическую библиографию», которую «хорошо сделанной и поистине классической» счел сам Ламарк [10, р. 150]. Заслуги Нодье перед энтомологией признавали коллеги: с 1833 г. он был почетным членом Французского энтомологического общества, а в 1839 г. энтомолог Этьенн Мюльсан назвал его именем открытое им в Южной Франции насекомое *Oxypleurus Nodieri* [15, р. 15]. Своей коллекцией насекомых Нодье дорожил не меньше, чем книжным собранием (а библиофилом он, как известно, был страстным и многоопытным); о его ненасытности свидетельствуют, в частности, письма к безансонскому энтомологу Жеврилю, содержащие списки очередных экземпляров, которые ему совершенно необходимы; просьбами о присылке тех или иных насекомых полны и его письма к безансонскому другу Шарлю Вейссу¹.

Восхищенные описания насекомых присутствуют едва ли не во всех произведениях Нодье.

В сказочной повести «Фея хлебных крошек» (1832) устами главного героя, Мишеля-плотника, Нодье произносит настоящую похвальную речь бабочкам — «элегантнейшим и любезнейшим созданиям», чей полет — «зрелище, достойное украсить сновидения великодушного человека» [2, с. 197–198].

¹ Общий очерк энтомологических изысканий Нодье см.: *Magnin A. Charles Nodier naturaliste. Paris: Hermann, 1911; а также [7; 8; 12].*

С не меньшим восторгом описана погоня за бабочкой в ироническом рассказе «Лис, попавший в западню», напечатанном в составе сборника «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842):

Знаете ли вы Человека более счастливого и одновременно более достойного уважения своих сограждан, нежели тот, кто ранним утром, задыхаясь от радости, рассекает сачком высокую траву и носит в петлице подушечку с длинными булавками, дабы ловко накалывать на них порхающих в эфире крылатых Насекомых, не причиняя им ни малейшей боли (ибо ни от одного из них никто никогда не слышал жалоб)? Что до меня, то ни к кому не испытываю я такого полного доверия, такой безраздельной приязни, одним словом, такого почтения, как к этому Человеку, рядом с которым желал бы прожить до скончания дней [3, с. 276].

В повести «Серафина», входящей в цикл «Воспоминания юности» (1832), несколько страниц посвящено описанию охоты на бабочек как наивысшего наслаждения, какое может выпасть человеку:

Есть что-то удивительно сладостное в этом изучении природы, которое каждому из существ придает имя, каждому из имен — мысль, каждой мысли — чувство и воспоминание; человеку, не проникнувшему в прелесть этих таинств, недостает, быть может, одного из чувств для наслаждения жизнью. Даже сами наименования, произведение ума совершенно поэтического и, возможно, последняя поэзия, сотворенная родом человеческим, даже они таят в себе невыразимое очарование для того возраста, когда Мифология и История еще не потеряли для нашего воображения своей чарующей силы. Видите Вы эти блестящие семейства бабочек? Для толпы это просто бабочки. А для ребенка сколько-нибудь образованного, который гоняется за ними с легким сачком, это настоящий волшебный мир чудес и метемпсихозов. Вот *Греческие* и *Троянские воины*. По шахматной черно-желтой кольчуге вы узнаете благоразумного *Махаона*, почти божественного сына божественного Эскулапа, верного, как и прежде, растениям, которые обладают драгоценной способностью исцелять болезни и раны: он непременно задержится на укрепе. Если вы пойдете гулять на выгон, не удивляйтесь простоте тамошних обитателей. Эти бабочки — *пастухи*, и природа одела их в скромные сельские одежды. Вот *Титир*, вот *Миртил*, вот *Коридон*. Только один из этих пастухов отличается блеском своей лазурной мантии, под которою сверкают бесчисленные глаза,

подобные звездам на небе в ясную ночь; но это царь пастбищ, это *Аргус*, вечно бодрствующий сторож стад [9, т. 10, р. 40–42].

В этом пассаже проявились две особенности, характерные для отношения Нодье к насекомым. Прежде всего, это, конечно, поэзия наименований. Нодье, человек разнообразных талантов и занятий, был не только писателем и энтомологом, но еще и лингвистом, однако лингвистика его была особого свойства; в 1830-е гг. он выступал решительным противником сугубо научных номенклатур, в которых наименования растений и животных далеко отклоняются от их внешнего вида и природных свойств. Нодье мечтал о названиях как можно менее произвольных, как можно более близких к свойствам называемых предметов. Эта полемика Нодье с наукообразными наименованиями, почерпнутыми из древнегреческого и латыни, наиболее ярко выразилась в статье «О научных номенклатурах», опубликованной в газете «*Le Temps*» 18 декабря 1835 г.:

В научных номенклатурах меня возмущает не то, что их трудно выучить и приходится постоянно выучивать заново. До тех пор, пока изобретатель номенклатур не исчерпает окончательно все корни, которые он пускает в ход с нетерпеливой жадностью, я буду без труда разгадывать его иероглифы и нарекать сотворенные им призраки теми именами, какие они носили на земле <...> Все эти ухищрения сводятся к глуповатой шараде, ключ к которой я подобрал еще в пору учебы в коллеже.

Я упрекаю номенклатуру в том, что она развращает и искажает занятия наукой, превращая ее в собственную монополию; в том, что она похищает окружающий мир у человека, чтобы отдать его в собственность кучке педантов; в том, что она подчиняет невеждам, напичканным дурным греческим и дурной латынью, богатства природы, принадлежащие всем людям. Я упрекаю ее в том, что великолепные картины небес, которые начертали пастухи, она заменила шифрами и логогрифами; в том, что в описаниях природы она поставила варварский и неудобопонятный жаргон на место грациозных и живописных народных метафор; в том, что она загородила непроницаемой стеной от женщин и детей те прелестные знания, которые, казалось, были созданы для всех на свете. А главное, я упрекаю ее в том, что она удушила языки отвратительной смесью разнородных слов, языкам чуждых и лишенных какой бы то ни было гармонии, какого бы то ни было отклика в простодушных

наречиях, дарованных Богом каждой стране, каждому сообществу людей для их впечатлений, нужд и наслаждений; в том, что она упрямо пытается воздвигнуть смутную и безбожную Вавилонскую башню посреди мира, сотворенного Господом [11, p. 620].

Этому «варварскому» образу действия создателей искусственных, произвольных номенклатур Нодье темпераментно противопоставляет собственное «кратилическое» понимание языка, в котором наименования природных феноменов естественны, рождены самой природой:

Вещи имеют истинное имя, имя, которое им принадлежит, которое приходит на ум всякому человеку, когда он видит их впервые, и происходит это благодаря врожденной способности, являющейся отличительной чертой человеческого рода. <...> У древних куст был Дафной, тростник — Сирингой, цветок — Гиацинтом или Нарциссом <...> Сама роза была обязана своим цветом каплям крови Адониса. И у нас то же самое чувство еще раз оживляло природу. Если говорить только о ботанике, имя растения определялось то эпохой его цветения, как в случае *подснежника*, <...> то очертаниями его частей, как в случае *львиного зева* или *колокольчика* <...> Все это составляло курс живой и наивной поэзии, которая приковывала внимание, обращаясь к сердцу, и запечатлевала память о вещи даже в уме малых детей, обращаясь к ее живописному имени [11, p. 623–624].

От названий растений Нодье переходит к названиям насекомых и повторяет в рассказе об этой природной мнемонике многие имена из того фрагмента «Серафины», который я уже привела выше: здесь снова фигурируют «греческие и троянские воины», Аргус и Аполлон. Между «простодушием народа и умом Линнея», уверяет Нодье, золотой середины не бывает; тому, кто решился заниматься наукой и создавать номенклатуры, нужно выбрать что-то одно [11, p. 625].

Впрочем, следует заметить, что для Нодье все названия насекомых, не только поэтические, но и более научнообразные звучали завораживающе. Доказательство этому — мало мотивированное сюжетом включение в стернианском романе «История короля Богемии и его семи замков» (1830) в текст вставной повести о короле Попокамбу перечня без малого двух сотен насекомых. Король за особые заслуги даровал своему механику Мистигри

право охоты вольной, исключительной и привилегированной во всех королевских владениях на всех летучих существ бабочкообразных и комароподобных, наделенных ртом, зубами, клешнями, клыками, челюстями, жвалами, хоботами, хоботками, хоботцами, клювами, рыльцами, жальцами, язычками, лигулами, щупальцами, губами, щупиками и прочими внутривтягивающими орудиями, каковые твари обычно именуются дневными и ночными бабочками либо мухами городскими, сельскими, околоболотными или подлесковыми.

И далее следует сам перечень:

Сфинксы, или Бражники,
Фалены, или Пяденицы,
Ноктуисы, или Совки,
Мотыльки,
Бомбиксы, или Шелкопряды,
Пиралисы, или Огневки, и т. д.²

Однако поэзия наименований — не единственная выдающаяся черта отношения Нодье к миру насекомых. Вторая, еще более важная особенность этого отношения состоит в том, что если в «Фее хлебных крошек» или «Лисе, попавшем в западню» дело ограничивается восторженным упоминанием прекрасных насекомых, то в статьях 1831–1832 гг., а также в рассказах 1830-х гг. Нодье изображает их царство как мир, подобный человеческому, но несравненно более прекрасный, как особую цивилизацию, не только параллельную человеческой, но и во многом ее превосходящую. Детское стремление Нодье укрыться в мире насекомых от катаклизмов революции, на которую пришлось его ранние годы (см.: [5, р. 75]), трансформировалось в стройную утопическую концепцию:

Сколько ни выдумывайте вымышленных миров, они никогда не сравнятся с тем миром, который Господь сотворил, когда создал насекомых, которых он, по всей вероятности, создал не для вас. Предположите вместе со мной, что Творец создал мир, пропорциональный Гулливерову лилипуту, но забыл в пылу работы окружить этого карлика какими бы то ни было формами живой материи, кро-

² *Nodier Ch. Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Paris: Delangle frères, 1830. P. 248–256.* Русские варианты во всех случаях прибавлены мной, но я уверена, что Нодье они бы понравились как гораздо более выразительные и понятные.

ме насекомых. Карлик получит все и даже в тысячу раз больше, чем человек-исполин, который наступает на насекомое, не замечая его; он получит больше, повторяю, чем можно высказать словами или понять умом! В *гидрофилах* он обретет китов своей маленькой вселенной, причем таких китов, которые смогут перелетать из одного океана в другой. В больших скарабеях он обретет своих мамонтов, в *жужелицах* — своих тигров и львов, в *сфинксах* — своих орлов, в лазурно-золотистых бабочках — своих ярких птиц, в *фаленах* — меланхолических сов, вылетающих ночью и машущих длинными крыльями. Он получит рыб, обладающих руками для гребли, ногами для плавания и гибкими крыльями для полета, в лице *наяд*, *водных клопов* и *гребляков*. Ему не потребуются ваши хилые четвероногие; если он задумает приручить животных, его рабами сделаются такие существа, у которых на две ноги больше, чем у коня, и которые могут взмывать в облака наподобие гиппогрифа <...> Естественная история Аристотеля ограничена, как его литература и политика; естественная история любителя насекомых не знает границ, подобно воображению арабского сказителя, который во всякую минуту создает мир по собственному желанию. Все, что фантастическая поэзия и живопись тщились когда-либо изобрести, Господь сотворил для счастливого отрока, который с газовым сачком в руке гоняется за мухами на лугу; отрок расскажет вам о метаморфозах более необыкновенных, чем та, что произошла с Фениксом, ведь он видел, как разноцветная гусеница уснула в своем шелковом коконе, и с нетерпением поджидает момента, когда она разорвет саван прошлой жизни и пеленки жизни новой, чтобы распахнуть четыре сияющих крыла, которые затмят рубины и изумруды, сверкающие на шейке колибри. Вы сомневаетесь в правдивости старой истории вуивры³ или дракона: стало быть, вы не видели *богомолов* или *привиденьевых*, и птиц и змей разом! Вы спорите о реальности гермафродитизма и самозарождения, но это только оттого, что вы забыли о тлях. Что же касается любви небесных духов к земным девам, я часто наблюдаю за ней, когда на моих глазах совершается брак ночного мотылька, спускающегося с неба, и его самки, которая никогда не покидает мха, куда спрятала ее природа [11, р. 184–185]⁴.

Здесь насекомые служат заменой всему: и животному миру, и миру сказок и преданий, и историософским и биологическим

³ Вуивра — в легендах Франш-Конте крылатый дракон, охраняющий реку Ду.

⁴ Рецензия на пятый том описания энтомологического собрания графа Дежана, напечатанная 24 декабря 1831 г. в газете «Le Temps».

теориям. Поскольку моя статья не энтомологическая, не стану угрожать ее пояснениями всех упомянутых здесь насекомых, скажу только, что все они известны науке и в целом соответствуют тем свойствам, какие подчеркивает в них Нодье.

В следующем, 1832 г., в рецензии на книгу Этьена Мюльсана «Письма к Юлии об энтомологии» («Le Temps», 26 февраля), отсылая в начале, по-видимому, именно к рецензии на коллекцию графа Дежана, Нодье продолжает описание насекомых как высшей стадии творения. Поскольку эта рецензия (как, впрочем, и та, что процитирована выше) никогда не переводилась на русский язык, а взгляд Нодье на «цивилизацию» насекомых выражен в ней особенно полно, приведу здесь из нее еще более обширную цитату:

Мне уже случалось писать на этих страницах, не помню по какому поводу, что насекомые — плод особого творения, более элегантного, более полного, более удачного, чем другое, в котором следовало бы кое-что исправить. Я писал, что нет, пожалуй, ни единого явления и ни единого вымысла, которые не опирались бы на какой-либо пример из этого чудесного мира, где Создатель щедро рассыпал все типы, рожденные его воображением. Займите у Рафаэля причудливую арабеску с грифонами и химерами; займите у Калло гротескное изображение какого-либо фантастического зверинца; займите у пери и фей самые невероятные дары, какими они когда-либо награждали обожаемого принца; а затем возьмите лупу или микроскоп, и я покажу вам все это в мире насекомых и инфузорий.

Об этом можно было бы сочинить маленький роман из естественной истории, который не потребовал бы от автора сложных изысканий, а вас бы отправил в мир более удивительный, чем мир «Тысячи и одной ночи», хотя этот рассказ был бы настолько же правдив, насколько другой лжив; я бы просто наделил своего героя способностями разных его соплеменников. Господь безусловно создал бы его именно таким, когда бы ему не приходилось поддерживать в течение многих веков равновесие между видами, и, возможно, однажды он так и поступит, если ему вообще не наскучит все им созданное. Как бы там ни было, я вас прошу дать мне то самое право, какое вы дали авторам «Телемака» и «Грандисона», которые, в сущности, не злоупотребляли правом на вымысел.

Итак, мой *Грандисон* только что вылупился из яйца, подобно Кастору и Поллуксу. Природа подскажет ему, что дни радостные и славные коротки, а готовиться к ним надобно долго и старательно.

Он редко покидает места, где явился на свет, или удаляется от них на совсем короткое расстояние, чтобы узнать, где кончаются на земле и на небе его наследственные владения. Что он станет делать дальше? У него нет ни красоты, чтобы нравиться, ни органов, чтобы любить. Прежде чем он ощутит потребность избавиться от своего невзрачного платья, он желает лишь одного — жить; его судьба была бы незавидна, если бы не имела продолжения, но в ней по крайней мере нет места страданиям!

Пора пришла. *Грандисон* впервые берется за работу. Он сплетает себе надежную вершу из шерсти, или тклет себе кокон из шелка, или строит себе из материи более тонкой, более гибкой и более плотной, чем велень, нечто вроде великолепного саркофага причудливой мумии, раскрашенного извне позолоченными, идеально симметричными брандесбурами и шевронами, и подвешивает эту временную гробницу на прочной нити среди колеблющихся ветвей кустарника, или прячет ее в почти невидимую щель между двумя камнями, или же заточает себя в узкую, накрепко запертую гондолу из песка, жирной глины и кусочков тростника, после чего вверяет свою надежду на скорое воскресение водному потоку. Он воскреснет, и притча о Фениксе не преминет осуществиться сто тысяч раз каждым весенним утром на глазах у прогуливающегося натуралиста.

Он воскрес. Это уже не он, и это все еще он: это существо из прошлой жизни в новой форме, обретшее в результате метаморфоза множество преимуществ. Судите сами! В воде он плавает, спрятав крылья; в воздухе летит, сложив ненужные весла. Вся земля принадлежит ему, но она для него всего лишь место отдыха между эмпиреями и океанами, которые также принадлежат ему. Крылья, которые он распускает, не похожи ни на какие другие. Природа, расщедрившись, проложила меж их мембран гибкие и мощные жилки; она усыпала их множеством атомов, превосходящих золото и брильянты; и самый ничтожный из них затмевает в глазах наблюдателя изящество птичьего крыла; наконец, большинству разновидностей она даровала блестящие кирасы, перед которыми побледнела бы вся роскошь Азии в день триумфа султана.

Он воскрес, красивый, могучий и страстный, ибо воскрес он только для славы и любви. Бедняга, так презираемый чернью и проживающий за свою жизнь все, чего вы требовали от вечности! От метаморфоза к метаморфозу он добрался до последней формы, которая доступна ощущениям человека и, быть может, есть не более, чем слабый набросок тех, что уготованы ему вечными превращениями

материи. Но Провидение насекомых не оставило его нагим и беззащитным, как вас. Вместе с богатыми доспехами оно наградило его всеми плодами промышленности, всеми средствами нападения и защиты и всеми инстинктами самой изощренной осторожности. У него имеются буравы, чтобы сверлить, колья, чтобы копать, пилы, чтобы резать, клещи, чтобы вытаскивать и разрывать. На груди он прячет острую и гибкую шпагу, за собой тащит наточенную саблю, в выдвигающихся вперед ножнах скрывает отравленный кинжал, выпускает из поршней едкие жидкости; задолго до изобретения пороха он уже располагал грозной артиллерией, обрушивающей на противника волны огня и дыма.

Не подумайте, что ему недостает хотя бы одной из тех способностей, какие цивилизация так медленно уступает нам в ответ на наши усилия. Он строит казармы, возводит города, роет *туннели* длиной в пять сотен лье под домами, под реками, под горами; он устанавливает на высоких точках светящиеся телеграфы, он сеет живые источники света на опушках леса; он затопляет ночную тьму пламенеющими летучими эскадронами, которые обрушиваются на вершины деревьев, точно звездопад. Ему ведомы все наши наслаждения. Пищу его составляет восхитительная амброзия, которую вы порой почитаете за счастье у него похитить; он окружает себя ароматами столь нежными и столь пьянящими, что сравнения их с мускусом, амброй и розой суть самая настоящая клевета. Что же до пышности его одежд, даже те, кто побывал при восточных дворах в пору их наибольшего великолепия, не имеют об этом ни малейшего представления. Пурпур и шелк, лазурь и киноварь, изумруды и рубины — все это украшения человеческие. Я готов показать вам десять тысяч насекомых, которые утратили бы все свое роскошество, обменявшись туалетами с Клеопатрой. Можно подумать, что природа, создав драгоценные камни и восхитившись своим творением, пожалела, что не оживила их и, чтобы исправить свою оплошность, изобрела насекомых⁵.

⁵ В 1833 г. Нодье опубликовал рассказ «Сибилла Мериан», где заглавная героиня, реальная немецкая художница и естествоиспытательница, рассказывает своему вымышленному племяннику о некоем неведомом народе, который обладает множеством волшебных свойств; рассказ этот во многом напоминает апологию насекомых в статье 1832 г., с той лишь разницей, что в статье читатель сразу узнает, что речь идет о насекомых, а в рассказе тайна неведомого народа раскрывается лишь в самом конце: «Он живет повсюду, на земле, по которой мы ступаем, в ручье, который течет по нашему лугу, в воздухе, которым ты дышишь. Он живет в чашечке цветка, который только что раскрылся, и даже в каплях росы, которая дрожит на лепестках; он трепещет в песке; он шепчет в траве; он пляшет и кувырится в солнечном луче. Моя флотилия бросила якорь в ближайшей луже; мои стрелки притаились под камнем в саду. Я говорила тебе о насекомых» [9, т. 11, р. 90].

Должен смиренно сознаться, что верю не во все без исключения чудеса, о которых повествуют Овидий и «Голубая библиотека». Это не моя вина, это моя беда. Никогда не мог я постичь тайну кольца Гига, шляпы Фортуната и талисмана Принца-Духа⁶, хотя очень трудно оспорить существование этих великих особ и восхиительный секрет их невидимости. Но с чем спорить решительно невозможно, так это с тем, что насекомых Создатель наделил свойствами поистине чудесными. Большинство пядениц, которые живут на стволах деревьев, сливаются для постороннего взора с мхами и лишайниками, покрывающими кору. Есть бабочка, которая прячет свои рыжие бахромчатые крылья от людских глаз в букетах засохших листьев, и, если порыв ветра уносит листья и бабочек, невозможно понять, бабочка ли утеряла стебель или же у листьев выросли крылья. Не радуйтесь, что вот-вот поймаете редкого жука-щелкуна. Вы забыли о пружине, которая позволяет ему унести на 10 футов от вас по своему травянистому ложу. *Криптоцефалы* и *эумольпины* слышат каждый производимый вами звук и при малейшей опасности падают с веток, на которых раскачивались, после чего замирают, невидимые, между семян, покрывающих землю; вам их никогда не найти. *Точильщики* обладают волшебной способностью притворяться мертвыми, причем довели это искусство до такого совершенства, что даже под самыми страшными пытками не выказывают ни единого проявления боли — симптома жизни и чувствительности. Ведь *точильщики*, знающие множество вещей, убеждены, что смерть — состояние, которое все живые существа обязаны чтить. Господь, вероятно, забыл сообщить им о существовании гиены, ястреба и человека.

Наделив насекомых способностью к метаморфозу и свойством еще более удивительным — умением переходить из поколения в поколение, не прибегая к соитию разных полов, Господь, однако, не поделился со своими любимцами собственной исключительной привилегией на бессмертие, но он наверняка оставил за собой право заимствовать ее, когда настанет время, у неизвестного существа, которое обронил однажды, из каприза или в насмешку, в песок подле кровельного желоба. Полтора столетия назад один философ нашел давно высохшие останки тихходки-коловатки в горстке пыли под старыми черепицами своего чердака, и с тех пор живой

⁶ Кольцо Гига, описанное в «Государстве» Платона, и шляпа Принца-Духа из одноименной сказки г-жи д'Онуа, делали своих владельцев невидимыми, а шляпа Фортуната из немецкой народной книги, изданной по-французски в 1626 г. под названием «История счастливых и несчастных походов Фортуната с его кошельком и его шляпой, в наряде юношам», могла переносить ее хозяина в любое место по его желанию.

атом воскресал каждые пятьдесят лет, более живой, более крепкий и более предприимчивый, чем прежде, лишь только на него падала капля дождевой воды. <...>

Я не устану повторять: насекомое — царь мира, и если Творец действует с умом, действия его направлены на совершенствование этой породы. В пору еще несовершенных опытов он в ущерб художеству и вкусу расходовал материю на китов и слонов, как человек — на башни и пирамиды; он берег силы для созданий изысканных: так Бенвенуто Челлини мечтал о тысяче чудес, превосходящих Дельфийский храм, но жизнь провел за ваянием чаш; однако Бенвенуто Челлини умер, а Творец вечен. Он начал с ящеров и питонов; ему наскучил человек, в чем я с ним совершенно согласен; или я очень сильно заблуждаюсь, или грядут насекомые. Если совершенствование — не наглая ложь в истории развития видов, я ставлю на пчел и скарабеев. Когда дело дойдет до них, останется совершить совсем немного. Последняя неделя окажется не сложнее первой: Господу довольно будет сообщить проворным золотистым мухам, которых мы топчем ногами, размеры больших четвероногих, и, как я не раз слышал от моего прославленного учителя Жана-Кретьена Фабриция⁷, пяти десяткам *полевых скакунов* потребуются не больше шести дней, чтобы освободить землю от ее обитателей, пяти десяткам *могильщиков* — чтобы закопать их в землю, а пяти десяткам *гигантских термитов* — чтобы эту землю возделать.

На седьмой день смерть почиет от всех дел своих.

К удивлению философов-оптимистов, впрочем людей в высшей степени добрых, природа от этого нисколько не утратит гармонии. У насекомых найдутся орады для всех гор, силваны для всех лесов, нимфы для всех источников, наяды для всех ручьев. Ни одно растение не потеряет ни своих насельников, ни свои украшения, а вы ведь знаете, как они хороши. Алый *трипс* висит, точно коралловая капля на алебастровых лепестках прекраснейшей из лилий; зеленый *листоед* сверкает, как изумруд, обрамленный золотом, в корзинке ромашки; *восковик* в желтом кафтане с гагатовыми галунами засыпает в цветке розы, точно придворный в постели дамы сердца. Даже у ворсянки и крапивы, у белены и белладонны есть постоянные клиенты, которые отдыхают под охраной их колючек и ядов. Все точь-в-точь, как в свете; но больше всего меня чарует в изучении насекомых то, что оно позволяет о свете забыть.

⁷ Жан-Кретьен Фабриций (1745–1808) — датский энтомолог, часто бывавший в Париже. Нодье неизменно называл его своим учителем, имея в виду, однако, не столько личные контакты, сколько знакомство с его трудами.

Вот почему я вбил себе в голову, что сотворение насекомых произошло не для нас и что оно, возможно, было всего лишь первым опытом более обширного, более могущественного и более грациозного сингенеза⁸, где от старого мира останутся только ангелы, духи воздуха, земли и воды, деревья, цветы, женщины и еще, быть может, поэты и любовники [11, р. 205–213].

Я сказала, что не комментирую упоминания отдельных насекомых, чтобы не превращать статью в энтомологический справочник, но одно существо, упомянутое в приведенном отрывке, безусловно заслуживает отдельного рассказа. Это способная к «воскресению из мертвых» тихоходка-коловратка (*tardigrade rotifère*). О ее месте в жизни Нодье широкому читателю известно из главы «Арсенал» романа Александра Дюма «Женщина с бархоткой на шее» (1850). Глава названа «Арсенал», потому что с 1824 г. Нодье был главным библиотекарем библиотеки Арсенала, жил с семьей в том же здании и там принимал гостей — писателей и художников; салон Арсенала был одним из важных центров формирования новой, романтической французской литературы. Рассказ Дюма вообще чрезвычайно комплиментарен по отношению к Нодье, но, как это часто бывает у Дюма, правда смешана в нем с ничем не подтверждаемыми фантазиями. Если верить Дюма, Нодье в юности случайно открыл удивительное существо под названием таратанталео, которое передвигалось с помощью крохотных колесиков, напомнимших Дюма колеса велосипеда; таратанталео, разновидность поденки, умирало без влаги, но воскресало от одной капли дождя. Само название, как и сравнение с велосипедом, остаются на совести Дюма; вдобавок, по свидетельству Дюма, таратанталео, с которым имел дело Нодье, однажды был унесен порывом ветра и с тех пор ничего подобного никто не видел. По-видимому, Дюма что-то подобное слышал от Нодье, но счел рассказ о воскресающем животном выдумкой фантазера-Нодье. Между тем «воскресающие» животные в самом деле существуют, их открыли задолго до Нодье⁹, о чем библиотекарь Арсенала, конечно, прекрасно знал, и называл он их не выдуманным Дюма словом *taratantaleo*, а двумя реально существующими научными терминами: *rotifère* — коловратка и *tardigrade* — тихоходка. В частности, комментируя определение из словаря Буаста «*Tardigrade, tardifère* [Тихоходка] — очень медлительное акватическое

⁸ Сингенез — теория некоторых физиологов XIX в., согласно которой все живое было создано одновременно.

⁹ См.: *Magnin A. Charles Nodier naturaliste. Paris: Hermann, 1911. P. 146–147.*

насекомое; воскресает», он прибавляет: «Я полагаю, что следует читать *tardigrade rotifère* [тихоходка-коловратка], микроскопическое животное-инфузория, а не насекомое; дождевое, а не акватическое; оживающее, а не воскресающее; высыхание песка, в котором оно живет, на время приостанавливает его жизнь, но не убивает его полностью»¹⁰. Впрочем, в другом месте той же книги Нодье утверждал, что *redivive* (воскресшие) — «довольно удачное определение для некоторых животных, которые подвержены мнимому воскрешению, как, например, тихоходка-коловратка, или для некоторых сочинений, которые по воле обстоятельств на время возвращаются к жизни»¹¹. По современной классификации коловратки — тип первичноротых животных, ранее относимых к группе первичнополостных червей и наделенных так называемым коловращательным аппаратом, — ресничным образованием на переднем конце тела, которое используется для питания и движения, а тихоходки — микроскопические беспозвоночные, близкие к членистоногим. Это разные существа, но и те, и другие отличаются исключительной выносливостью: в неблагоприятных условиях они в самом деле способны на многие годы и даже столетия впадать в криптобиоз, а при наступлении условий благоприятных — «оживать». Для Нодье такие существа были одним из проявлений того, что он в новелле «История Элен Жилле» назвал «правдивой фантастикой». В начале этой новеллы Нодье пишет, что есть несколько разновидностей фантастических историй.

Бывает фальшивая фантастическая история, очарование которой проистекает из двойной доверчивости рассказчика и аудитории; таковы «Волшебные сказки» Перро, недооцененный шедевр века шедевров.

Бывает смутная фантастическая история, которая оставляет душу в мечтательных и меланхолических сомнениях, усыпляет ее, как мелодия, и убаюкивает, как греза.

Бывает правдивая фантастическая история, наилучшая из всех, потому что она глубоко потрясает сердце, не требуя жертв от разума; причем поскольку слова *правдивая фантастическая история* нуждаются в объяснениях, скажу, что я разумею под ними рассказ о факте, невозможном в материальном отношении, но, однако же, свершившемся на глазах у всего света [9, t. 3, p. 265–266].

¹⁰ *Nodier Ch. Examen critique des dictionnaires*. 2e éd. Paris: Delangle frères, 1829. P. 385–386.

¹¹ *Ibid.* P. 347.

Так вот, воскресающее от капли воды животное (Нодье, правда, сам подчеркивает, что *tardigrade rotifère* — не насекомое, однако упоминает он его в одном ряду с насекомыми, и в XIX в. некоторые естествоиспытатели относили его именно к насекомым), — это самый показательный пример «правдивой фантастики».

В новейшей работе [7, р. 426–439] подчеркнута связь представлений Нодье о правдивых фантастических историях с концепцией «правдивого чудесного», которую развивали в XVIII в. исследователи насекомых, считавшие их жизнь главной сокровищницей подобного «чудесного». В энтомологии и, шире, в естественных науках Нодье видел способ оправдать правдивость древних мифов и легенд. Новелла «Инес де Лас Сьеррас» (1837) заканчивается следующим умозаключением:

...человек не способен выдумать что-либо, или, говоря иначе, выдумка есть не что иное, как врожденное предчувствие реальных фактов. Что делает в наше время наука? Каждым новым открытием она оправдывает, она устанавливает подлинность одной из мнимых выдумок Геродота и Плиния. Легендарный жираф разгуливает по зоологическому саду. Я, как и другие, с нетерпением ожидаю прибытия туда единорога. Драконы, многоголовые змеи, испанские андриаги и провансальские тараски не существуют в мире живых, но Кювье нашел их в мире ископаемых. Все знают, что гарпия — не что иное, как громадная летучая мышь, и поэты описали ее с точностью, которой мог бы позавидовать Линней¹².

Иначе говоря, изучение животного мира, и в частности мира насекомых, служит Нодье для легитимации литературных вымыслов. Но эта функция — так сказать, эстетическая — не единственная. «Цивилизация насекомых» играет важную роль в философских построениях Нодье, служит подспорьем для утопической картины будущего, какое суждено человеческому роду.

В августе 1832 г. Нодье напечатал в журнале «*Revue de Paris*» статью «О палингенезии человечества и о воскресении» — пожалуй, самую необычную и провокационную из своих статей. Нодье, регулярно иронизировавший над утопическими проектами своих современников, прежде всего Сен-Симона и Фурье (следы такого подхода заметны и в этой статье), здесь сам вступает на то же попрание и предлагает своим читателям теорию совершенно утопическую.

¹² Нодье Ш. Избранные произведения. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. 553–554 (перевод Р.А. Зевиной).

Статья «О палингенезии» — это попытка выхода из того кризиса, в котором Нодье находился с начала 1830-х гг. и свидетельством которого служат проникнутые очень большим пессимизмом относительно судьбы человечества статьи «О совершенствовании рода человеческого и о влиянии книгопечатания на цивилизацию» и «О ближайшем конце рода человеческого», напечатанные в журнале «Revue de Paris» в ноябре 1830 и в мае 1831 г. В конце первой Нодье бросает современникам обличительную тираду:

То, что вы именуете прогрессом современного общества, отнюдь не мешает возвращению к варварству. Вы были варварами и останетесь ими, более того, вы превзойдете в варварстве своих предшественников, и время это уже не за горами; от прежних варваров вас будет отличать только одно — вы будете клясться цивилизацией и совершенствованием, а в устах варваров это звучит смешно. Не спорю, вы сорвали часть покровов с лика целомудренной Исиды: для этого потребны лишь ненасытное любопытство да безграничное тщеславие — два свойства, которые присущи нашей эпохе, как никакой другой. Что же до непроницаемой завесы, которой природа испокон веков скрывает свои тайны от взоров смертных, то их вам сорвать не дано. Вот единственная истина, которая вам доступна и которую вам дозволено познать во всей ее глубине: вы умрете и вместе с вами умрут все ваши установления [1, с. 81].

Вторая, как и следует из ее названия, тоже предсказывает человечеству близкий конец исходя из того, что ничто в этом мире не вечно и человеческий род — не исключение из правила:

Нынче много рассуждают об улучшении человеческого рода и о его грядущем прогрессе; но никто не говорит о его конце. Вот заблуждение, удивительно точно характеризующее тщеславие человека, — мнить, что потомство Адама пребудет бессмертным, когда все на свете рано или поздно умирает, и воображать, что разрушение, грозящее светилам, почтительно обойдет стороной плачевное четвероногое, принявшее вертикальное положение и забравшее себе ныне власть над миром <...> Все на свете развивается от простого к сложному, приобретая по ходу дела новые органические свойства, и все возвращается от сложного к простому, отдавая ему свои составные части. Таким образом, полноценное существо есть существо, начинающее умирать. <...> Если [как утверждают

философы] на человеке заканчивается восходящая линия животных организмов, ему ничего не остается, кроме как двигаться вниз, к смерти. Одна только религия имеет право предполагать, что человеку была уготована иная участь; она так и поступила, но признала, что человек право на эту участь потерял: настолько очевиден был неизбежный упадок человеческого рода еще во времена первых писанных религий! Итак, и христианин, и философ уверены, что человеческому роду суждена смерть; ибо не одному лишь праотцу всех людей адресовано было грозное и глубокое божественное откровение и не каждому из его потомков по отдельности, но всему роду человеческому, который однажды умрет весь целиком, как один человек [9, t. 5, p. 301–302, 308–309].

Нынешнее состояние человечества Нодье описывает с беспощадным презрением: «О бесконечном совершенствовании человеческого рода рассуждают карлики пяти футов роста [1 метр 65 сантиметров], безропотно страдающие и умирающие в отвратительных клоаках, в крови и грязи, склонясь над страницей, на которой, тратя еще несколько капель чернил, запечатлевают эту последнюю тщеславную ложь» [9, t. 5, p. 312]. Если верить статье «О ближайшем конце рода человеческого», никакой надежды у человечества нет; во всяком случае, Нодье не тешит ею ни себя, ни читателей.

Эти апокалипсические представления зародились у Нодье очень давно, но усилились в начале 1830-х гг.: разочарование в современной политической системе, которое Июльская революция лишь усугубила, накладывалось на природный пессимизм и скептицизм (см. подробнее: [14]).

Однако внезапно, в 1832 г., перед Нодье забрезжила надежда, причем забрезжила в наиболее, казалось бы, неподходящий момент, во время эпидемии холеры, обрушившейся на Париж весной-летом 1832 г. В письме старому другу Шарлю Вейссу из Парижа 21 июля 1832 г. он подробно рассказал о том, как это случилось:

Должен тебе сказать, что за последние четыре года одна мысль, посетившая меня во сне, который нам первый из учителей, развивалась во мне из ночи в ночь с такой силой, что в конце концов превратилась в убеждение. Долгое время я держал ее под спудом, ибо род человеческий в современном своем состоянии не стоит того, чтобы ему бросали бесполезную истину. Теперь же мне необходимо, чтобы она воссияла, быть может, потому, что сосуд скоро лопнет. <...> Н подумай, что в ожидании холеры я заболел горячкой. Нет, друг

мой, я не сошел с ума. Нет, я не считаю себя боговдохновенным. Нет, я не намерен ни основывать философическую школу, ни занимать место в ряду иллюминатов. Один лишь случай заронил в мой ум впечатление огромное, неизмеримое, имеющее совершенно очевидный характер истины. Ибо ни один мыслящий человек не может его опровергнуть, не признавшись самому себе, что он лукавит и лжет; и это впечатление имеет своим предметом всю систему творения от начала и до цели¹³.

Содержания своего открытия Нодье в письме не раскрыл, лукаво прибавив, что хочет оставить в душе адресата легкую тревогу касательно состояния своего разума, с тем чтобы заставить его прочесть статью более внимательно.

Статья увидела свет на страницах журнала «Revue de Paris» в августе 1832 г., а 1 сентября, то есть почти одновременно, вышел пятый том собрания сочинений Нодье, который ею завершается¹⁴. Том этот носит название «Грезы»; как замечает один из лучших знатоков творчества Нодье, этим писатель как бы указывает на неполную серьезность мыслей, высказанных в статьях этого тома, — единственного в его творчестве собрания текстов, исполненных теоретической, философской рефлексии [6, р. 247]. Тем не менее в некоторых включенных в него статьях, и в наибольшей степени в статье о палингенезии, Нодье говорит голосом пророка. Собственно говоря, мысль о том, что нынешний человеческий род совершенствоваться не способен, а более совершенным будет только какое-то иное существо с иными способностями, Нодье высказал уже в упомянутой выше статье «О совершенствовании рода человеческого», также вошедшей в «Грезы». В ней он писал:

Утверждать, что человеку дано совершенствоваться, — значит предполагать, что он может изменить свою природу; это все равно что ждать, чтобы на иссопе выросла роза, а на тополе — ананас. Покажите мне человека, который обладал бы столькими чувствами, сколько было у обитателя Сатурна, встреченного Микромегасом¹⁵;

¹³ *Nodier Ch. Correspondance inédite. 1796–1844 / publ. par A. Estignard. Paris: Librairie du Moniteur universel, 1876. P. 255–256.*

¹⁴ Полностью текст этой статьи, а также рассказа «Человек и муравей», о котором пойдет речь ниже, можно будет прочесть в моем переводе в сборнике прозы Нодье, который я подготовила для серии «Литературные памятники», выпускаемой издательством «Ладомир».

¹⁵ Микромегас — заглавный герой повести Вольтера 1752 г., обитатель Сириуса, беседующий с жителем Сатурна, у которого 72 чувства, в отличие от жителей Сириуса, у которых их около тысячи.

покажите мне человека, наделенного хотя бы одним лишним чувством в придачу к тем пяти, что есть у всех людей, — и я поверю в возможность совершенствования рода человеческого. Не спорю, по прошествии долгих столетий в результате какого-нибудь мирового катаклизма на земле могут появиться, сами собой или по воле высшего разума, существа, устроенные гораздо более счастливо, чем мы, — это увы, немудрено! Но то будет уже не совершенствование, а созидание, то будут не люди, а некие новые существа [1, с. 68–69].

В 1830 г. появление таких существ, устроенных более счастливо, казалось Нодье абсолютно невероятным. В 1832 г. он попытался обосновать не только необходимость, но и возможность их появления.

Вкратце мысль Нодье, изложенная в статье «О палингенезии рода человеческого», состоит в следующем: процесс сотворения мира, описанный в библейской книге Бытие, не закончен; нынешний человек неререформируем, но ему на смену может прийти другое, высшее существо, которое Нодье называет «существом понимающим». Оно будет гораздо совершеннее человека, будет обладать множеством физических свойств, недоступных человеку (например, летать, как птица, или плавать, как рыба), а главное, оно не будет страдать многочисленными нравственными изъянами современного человечества. В вопросе о том, откуда это существо возьмется, в статье ясности нет: то ли оно все-таки станет результатом преобразования существующего человека, то ли Творец создаст вместо него кого-то нового. Четко проартикулировано у Нодье только одно: «Дело в том, что дистанция, отделяющая существо мыслящее от существа понимающего, ничтожна: это всего-навсего смерть» [9, т. 5, р. 384]. Впрочем, и это не разрешает противоречий, которых в статье Нодье очень много. Если после смерти все люди переходят в состояние существа понимающего, следует ли считать, что этой участи уже подверглись все поколения, жившие до 1832 г.? А в этом случае как понимать утверждение Нодье в этой же статье, гласящее, что творение еще не закончено и существо понимающее еще не сотворено? (об этих противоречиях см.: [4, р. 83–84]). Вдобавок концепция, изложенная в статье, вовсе не берет в расчет индивидуальную судьбу человека; палингенезия, если судить по тексту статьи, суждена всему человечеству, независимо от заслуг и добродетелей отдельных личностей. Впрочем, статья Нодье — это не научное рассуждение, а своего рода эмоциональное стихотворение в прозе, и требовать от него логики — дело безуспешное.

Как бы там ни было, без упоминания об этой статье невозможно понять философский аспект отношения Нодье к насекомым, о котором французские исследователи, касавшиеся темы «Нодье и насекомые», упоминают вскользь (а в новейшем сборнике, посвященном «поэзии и поэтике насекомых» [13], о Нодье вообще не говорится — возможно, потому, что один из составителей, Ален Монтандон, посвятил ему отдельную статью [8]); исключение составляет недавняя работа Тьерри Мартинетти, где подробно описано «метафизическое измерение», в каком Нодье рассматривает насекомых [7, р. 440–452].

В начале 1832 г., как мы видели, Нодье скептически оценивает перспективы человечества, но зато выдвигает на роль более совершенной цивилизации, долженствующей прийти ему на смену, «цивилизацию» насекомых, безупречных Грандисонов, всемогущих и всесильных. Он почти всерьез (почти — потому что особенность его литературного дара всегда предусматривала возможность появления рядом с трагическим или драматическим взглядом на проблему или событие взгляд на нее же глубоко иронический, а то и откровенно гаерский) утверждает преимущество мира насекомых над миром человеческим: как сказано в процитированной выше рецензии на «Письма к Юлии», «если совершенствование — не наглая ложь в истории развития видов, я ставлю на пчел и скарабеев».

В августе 1832 г. в статье «О палингенезии» человечеству дается шанс (впрочем, точнее будет сказать, что шанс этот дается тому человекообразному существу, которое придет на смену современному человеку). Статья, излагающая возвышенные философские построения, кончается фразой, исполненной характерного для Нодье лукавого самоумаления: «Если вы больше любите мои сказки, чем мою философию, я готов уже завтра рассказать вам одну из этих сказок, которые я рассказываю... так плохо!» [9, т. 5, р. 389]. Нодье в самом деле продолжил мысли, изложенные в статье «О палингенезии», в сказке «Человек и муравей», которую он 1 мая 1833 г. опубликовал в газете «L'Europe littéraire» и жанр которой определил в подзаголовке как «первобытный аполог», то есть, согласно дефиниции из словаря, составленного Нодье вместе с Полем Аккерманом, «короткий рассказ, имеющий целью преподать косвенным образом некую нравственную истину»¹⁶. Однако нравственная истина в апологе совсем не та, что в статье. Никакого шанса на «палингенезию»

¹⁶ *Nodier Ch., Ackermann P. Vocabulaire de la langue française extraite du dernier Dictionnaire de l'Académie. Paris: Firmin Didot frères, 1842. P. 39.*

и воскресение человеку здесь не оставлено. С надеждой Нодье смотрит в нем лишь на мир животных и прежде всего насекомых¹⁷.

До появления человека на земле жизнь была счастливой и безоблачной:

Когда человек явился на земле, звери уже бесчисленное множество столетий жили на ней, каждый в согласии со своим нравом и не подчиняясь никому.

В ту пору они знали одно-единственное время года, прекрасное, как самая нежная весна. Вся земля от края до края была покрыта деревьями, которые четыре раза в год дарили свои цветы бабочкам, а плоды — птицам небесным; под сенью деревьев простиралось безбрежное, вечно зеленеющее сытное пастбище, доставлявшее изобильную пищу четвероногим большим и малым.

Почва была везде одинаковая и ровная, как если бы ее разгладил на шлифовальном кругу, ведь ее в ту пору еще не колебали землетрясения, не тревожили вулканы, не разоряли наводнения. Нигде не виднелись унылые пейзажи, наводящие на печальные мысли, как нигде не рождались неодолимые потребности, возбуждающие жестокие страсти. Нигде не водились звери хищные и коварные. Для существа с душой жить в ту пору было одно удовольствие. Мир был так прекрасен до пришествия человека! [9, т. 11, р. 351–352]

Но это благоденствие кончилось, когда на земле явился человек «нагой, пугливый, но уже честолюбивый, алчный, жадный до движения и могущества» [9, т. 11, р. 352]. Звери уступили ему место и долгое время ничего о нем не слышали, а он между тем плодился и наконец

настал день, когда местности, им занимаемой, не хватило для его пропитания. Он принялся делать вылазки за ее пределы, чтобы схватить птицу в гнезде, зайца в норе, козленка в кустах, косулю в тенистом лесу. Он уносил их, трепещущих, в свое логово, умерщвлял без пощады и пожирал плоть и кровь.

Первыми это заметили матери. Первые леса огласились громким стоном, который не с чем было сравнить, ибо в ту пору грозы над землей еще не гремели. <...> После появления человека все

¹⁷ Нодье называет своего заглавного героя муравьем, хотя по образу его жизни и деятельности, а равно и по имени понятно, что речь идет о представителе термитов — отдельного отряда насекомых, которых, впрочем, иногда называют «белыми муравьями». Именно термиты живут под землей и прорывают там огромные туннели, а также выедают изнутри деревянные постройки, которые после этого разрушаются.

изменилось. Ягненок не приходил на зов матери, а пытаюсь найти его по клочкам шерсти, она чуяла, что от той травы, на которой он недавно пасся, исходит запах крови.

И она понимала: здесь прошел человек [9, т. 11, р. 353, 355].

Человек не только «изобрел западни, чтобы ловить неосторожных и неловких, приманки, чтобы обманывать слабых, оружие, чтобы убивать сильных», он начал

громоздить этажи на этажи, он выстроил первые дома, он основал первый город, который греки называли Библос, а поскольку книгу они называли Библион, вероятно, они решили обозначить одним словом происхождение всех мировых бедствий¹⁸. Город этот был царем народов.

Впрочем, об истории его ничего не известно, кроме того, что там явились первые шуты, заработала первая бойня и воздвигся первый эшафот [9, т. 11, р. 354].

Звери отправляют к человеку парламентариев, но он, «приняв их с той фальшивой и коварной ласковостью, которую позже нарекли учтивостью», обращает их в рабство.

Покончив с этими завоеваниями, он принялся совершать преступления с тем большей легкостью, что не встречал препятствий. Он избрал своим ремеслом охоту и войну, наводнил прелестные луга звериной кровью и в неистовстве своем не пощадил даже собственных братьев и детей. Он изготовил гибельный металл, который дырявил и разрезал плоть, он приделал к этому металлу птичьи крылья и научил его летать. Тем временем он не прекращал возводить новые крепости, а дети его расселялись по миру, строили там новые города и чинили новые разорения.

И повсюду, где являлся человек, раздавался горестный стон безутешных тварей.

Даже неживая материя, казалось, не осталась равнодушной к их ужасной судьбе. Стихии обрушились на человека с такой яростью, как будто знали его нутро. Землю, некогда покойную и процветаю-

¹⁸ Греческое слово «библион» (книга) происходит от греческого «библос» (папирус). Нодье, считавший, что появление письменности погубило первобытную поэзию, в «Началах лингвистики» устанавливает связь между такими словами, как *Babel* (Вавилонская башня), царь *Бел* (см. о нем ниже примеч. 19), «ложное божество» *Baal*, «первая книга, именуемая *библион*, и первая империя, именуемая *Вавилон (Babylone)*» (*Nodier Ch. Notions élémentaires de linguistique*. Paris: Eugène Renduel, 1834. P. 26).

щую, начало жечь подземное пламя, принялись истреблять воздушные метеоры и заливать воды небесные.

Но природа утихла, а человек остался цел и невредим.

Немногие животные, избежавшие этих бедствий и не входившие в число тех, каких общий враг покорил себе, поспешили избавиться от опасного соседства всеми способами, какие доставили им инстинкт и гений. Орел свил гнездо на вершине недостижимого утеса; пантера укрылась в непроходимой чаще; газель поселилась среди зыбучих песков, по которым могли ступать только ее быстрые и легкие копытца; серна нашла приют среди голубоватых ледников, а гиена — среди могил. Единорог, гиппогриф и дракон ушли так далеко, что с тех пор их больше никто не видел. Грифон, как гласит восточная молва, улетел на знаменитую гору Каф, которая опоясывает землю и которую мореплаватели ищут по сей день.

Человек был уверен, что всех остальных он поработил. Он был доволен [9, t. 11, p. 358–360].

И вот однажды, пребывая в расцвете своего могущества, он задает вопрос: «Есть ли на всем пространстве, которое я соблаговолил покорить своей власти, хоть одно живое существо, отказавшее мне в почестях и поклонении?» И слышит в ответ: «Да, тиран, ты еще не покорил муравья Термеса, которому смешно твое могущество и который, возможно, вынудит тебя завтра бежать из твоих городов и таким же нагим, каким ты явился на свет, отдаться во власть нубийской мухи! Берегись, царь зверей, ведь ты не подумал ни о мухе, ни о муравье!..» [9, t. 11, p. 361].

Человек вступает в борьбу с муравьем, он призывает на помощь стражников и рабов и с ужасом убеждается

что количество его мятежных подданных в неисчислимое множество раз превосходит количество песчинок, потому что под каждой песчинкой скрывается отверстие, в каждом отверстии прячется муравей, каждый муравей возглавляет муравьиное племя [9, t. 11, p. 362].

В конце концов человек решает, что муравей не сможет причинить вред ему, такому богатому и могущественному. Но муравей Термес считает иначе:

Вместе с множеством других муравьев он добрался до фундамента его зданий, и сто тысяч черных легионов, сплоченные,

точно стада баранов, проникли со всех сторон в деревянные срубы и разрыли землю у оснований колонн. Когда под краеугольными камнями всех построек не осталось ничего, кроме почвы зыбкой и ненадежной, когда все балки и брусья, изъеденные изнутри, стали пусты, точно иссохшие соломинки, и лишь казались с виду цельными и прочными, муравей Термес внезапно подал своей армии рудокопов сигнал к отступлению.

А назавтра все здания Библоса обрушились на его жителей.

Муравей же Термес продолжал свое дело, направляя армию неумолимых тружеников во все возведенные человеком города; человек, теряя голову, спасался бегством от своего невидимого победителя, а города рушились один за другим вослед Библосу. В результате под властью человека осталась лишь пустынная местность, где там и сям виднелись мелкие постройки, выдававшие обиталища покорителя земли. Кто был сей великий разрушитель городов, сей грозный завоеватель, которому по праву последнего владения принадлежали бескрайние просторы, им пройденные? То был не Бел и не Сезострис¹⁹, то был муравей Термес [9, т. 11, р. 364–365].

В результате участь человека оказывается плачевной:

Жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие несмотря на крушение городов, неотвязные атаки смертоносной мухи и обжигающее дыхание самума, почли за счастье укрыться в неуютных краях, где редко проглядывает солнце и никогда не рассеивается туман; там возвели они на грязи, костях и крови города бедные и зловонные, могущие похвастать лишь кое-какими убогими памятниками, выдающими повсюду гордыню, скупость и нищету [9, т. 11, р. 366].

Рассказ заканчивается итогом грозным и безрадостным: «Человек по-прежнему строит, а муравей Термес продолжает идти вперед» [9, т. 11, р. 367].

В рецензии на «Письма к Юлии» Нодье говорил о превосходстве и торжестве насекомых в почти оптимистическом тоне. Рассказ «Человек и муравей» развивает ту же тему в тоне устрашающем

¹⁹ *Бел* — в древнегреческой мифологии царь Египта; по одной из версий, Бел первым начал сражаться мечом, и потому от его имени было образовано латинское слово *bellum* (война); *Сезострис* — собирательное имя для египетских правителей, с которым отождествляли разных фараонов.

и пессимистическом; утопия превращается в антиутопию. Но неизменной остается убежденность Нодье в том, что насекомые выше, сильнее и совершеннее человека. Будущее — за ними. В 1830 г. в статье «О некоторых явлениях, связанных со сном» Нодье все-таки признавал некоторые преимущества человеческой цивилизации перед цивилизацией насекомых — за счет наличия у людей воображения: «Без всемогущего воздействия этой силы воображения, которая гнездится исключительно во сне, любовь есть не что иное, как инстинкт зверя, а свобода — неистовство дикаря. Без нее цивилизация человеческая не способна выдержать сравнение с мудрым порядком бобров или деятельной предусмотрительностью муравьев, потому что она лишается неизменного инстинкта, поддерживающего работу ее возвышенного механизма» [9, т. 5, р. 186–187]. Рассказ «Человек и муравей» не оставляет человеческой цивилизации никакой надежды. Разочаровавшись в перспективе появления на месте человека того существа понимающего, о котором идет речь в статье «О палингенезии», Нодье сулит человечеству поражение от существ высшего порядка — муравьев-термитов. Энтомологическая утопия Нодье, столь радостная и бодрая в истории насекомого Грандисона, в «первобытном апологе» о муравье Термесе приобретает совсем иной колорит, более отвечавший пессимистическому мировидению Нодье в 1830-е гг.

Впоследствии о насекомых как своеобразной цивилизации, утопической либо антиутопической, писали на французском языке Жюль Мишле и Морис Метерлинк, однако энтомологическая утопия Нодье изгладилась из памяти следующих поколений: его имени ни тот, ни другой не называет.

Литература

1. *Нодье Ш.* Читайте старые книги: Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках и чтении / вступ. ст., сост. и примеч. В.А. Мильчиной; пер. О.Э. Гринберг, М.А. Ильховской, В.А. Мильчиной. М.: Книга, 1989. Т. 2. 320 с.
2. *Нодье Ш.* Фея хлебных крошек / пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: FryFlay, 2006. 286 с.
3. Сцены частной и общественной жизни животных / пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 656 с.
4. *Bénichou P.* L'école du désenchantement. Sainte-Beuve, Nodier, Musset, Nerval, Gautier. Paris: Gallimard, 1992. 616 p.
5. *Dahan J.-R.* Postface. Oxypleurus Nodieri // *Nodier Ch.* Le Peuple inconnu. Losne: L'Homme au Sable, Thierry Bouchard et Folle-Avoine, 2003. 87 p.

6. *Dahan J.-R.* Visages de Nodier. Paris: Presses Université Paris-Sorbonne, 2008. 306 p.
7. *Martinetti T.* Les Muses de l'entomologie. Poétiques et merveilleux de l'insecte de Réaumur à Maeterlinck. Paris: Honoré Champion, 2023. 730 p.
8. *Montandon A.* Nodier et l'insecte // *Cahiers d'études nodiéristes*. Charles Nodier comparatiste. 2023. № 12. P. 129–141.
9. *Nodier Ch.* Œuvres complètes: en 12 vols. Paris: Eugène Renduel, 1832–1837.
10. *Nodier Ch.* Correspondance de jeunesse / éd. Jacques-Rémi Dahan. Genève: Droz, 1995. T. 1. 690 p.
11. *Nodier Ch.* Feuilletons du Temps / éd. J.-R. Dahan. Paris: Classiques Garnier, 2010. T. 1. 990 p.
12. *Percheron B.* Un naturaliste contre la science? Les sciences naturelles dans l'œuvre de Charles Nodier // *Cahiers d'études nodiéristes*. 2018. № 6. P. 165–184.
13. Poétiques et poésie de l'insecte / Y. Daniel, A. Montandon et J. Wilker, dir. Paris: Honoré Champion, 2023. 382 p.
14. *Sukiennicka M.* Charles Nodier et la fin du genre humain // *Arts et Savoirs* [en ligne], 2016. № 7. P. 1–13. URL: <http://journals.openedition.org/aes/929> (дата обращения: 29.01.2025).
15. *Sukiennicka M.* Charles Nodier et la tour de Babel des sciences // *Arts et Savoirs* [en ligne]. 2020. № 14. P. 1–20. URL: <http://journals.openedition.org/aes/3156> (дата обращения: 29.01.2025).

Research Article

The Entomological Utopia of Charles Nodier

© 2025. Vera A. Milchina

Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University
for the Humanities,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Abstract: Charles Nodier (1780–1844) was one of those writers fascinated by the world of insects. He not only dedicated his fiction to them but was also a professional entomologist. However, the most interesting aspect of “Nodier and Insects” is not the writer’s contribution to entomology or the vivid and extremely expressive descriptions of insects and their “hunts,” but the philosophical interpretation Nodier gave in several of his articles and stories about the world of insects, which he considered a true civilization. In his article “On the Palingenesis of Humanity and on the Resurrection,” Nodier put forward a paradoxical and even shocking concept, according to which the process of creation described in the

biblical book of Genesis is not complete, and that sooner or later another, higher being, which Nodier called “an understanding being,” must replace current man. Nodier, who generally held an extremely pessimistic view of modern civilization, attempted in this case to see some positive perspective on the fate of humanity. But he quickly abandoned such optimism and returned to his previous view of insect civilization as more intelligent than humankind. This skeptical view of humanity is expounded in its extreme form in his “primitive apologist,” (author’s definition of the genre) “Man and the Ant.” Disillusioned with the prospect of creating the “understanding being” discussed in his article “On Palingenesis,” Nodier predicts humanity’s defeat at the hands of a higher being — the termite ant. Nodier’s entomological utopia, so joyful and cheerful in the story of irreproachable Grandison, the insect, takes on a completely different flavor in his “primitive apologist” about the ant Termes, more in keeping with Nodier’s pessimistic worldview of the 1830s.

Keywords: Charles Nodier, entomology, palingenesis, utopia.

Information about the author: Vera A. Milchina, Leading Research Fellow, Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

For citation: Milchina, V.A. “The Entomological Utopia of Charles Nodier.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 261–288. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288>

References

1. Nod’er, Ch. *Chitaite starye knigi: Novelly, stat’i, esse o knigakh, knizhnikakh i chtenii* [Read Old Books: Novels, Articles, Essays on Books, Book People, and Reading], vol. 2, introd. article, comp. and notes by V.A. Mil’china, trans. by O.E. Grinberg, M.A. Il’khovskaia, and V.A. Mil’china. Moscow, Kniga Publ., 1989. 320 p. (In Russ.)
2. Nod’e, Ch. *Feia khlebnykh kroshek* [Breadcrumb Fairy], trans., introd. article and notes by V.A. Mil’china. Moscow, FryFlay Publ., 2006. 286 p. (In Russ.)
3. *Stseny chastnoi i obshchestvennoi zhizni zhivotnykh* [Scenes from the Private and Public Life of Animals], trans., introd. article and notes by V.A. Mil’china. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. 656 p. (In Russ.)
4. Bénichou, Paul. *L’école du désenchantement. Sainte-Beuve, Nodier, Musset, Nerval, Gautier*. Paris, Gallimard, 1992. 616 p. (In French)
5. Dahan, Jacques-Rémi. “Postface. Oxypleurus Nodieri.” Nodier, Charles. *Le Peuple inconnu*. Losne, L’Homme au Sable, Thierry Bouchard et Folle-Avoine, 2003. 87 p. (In French)
6. Dahan, Jacques-Rémi. *Visages de Nodier*. Paris, Presses Université Paris-Sorbonne, 2008. 306 p. (In French)
7. Martinetti, Thierry. *Les Muses de l’Entomologie. Poétiques et merveilleux de l’insecte de Réaumur à Maeterlinck*. Paris, Honoré Champion, 2023. 730 p. (In French)

8. Montandon, Alain. “Nodier et l’Insecte.” *Cahiers d’études nodiéristes. Charles Nodier comparatiste*, no. 12, 2023, pp. 129–141. (In French)
9. Nodier, Charles. *Œuvres complètes : en 12 vols.* Paris, Eugène Renduel, 1832. (In French)
10. Nodier, Charles. *Correspondance de jeunesse*, t. 1, éd. de Jacques-Rémi Dahan. Genève, Droz, 1995. 690 p. (In French)
11. Nodier, Charles. *Feuilletons du Temps*, t. 1, éd. de Jacques-Rémi Dahan. Paris, Classiques Garnier, 2010. 380 p. (In French)
12. Percheron, Béatrice. “Un naturaliste contre la science.” *Les sciences naturelles dans l’œuvre de Charles Nodier. Cahiers d’études nodiéristes*, no. 6, 2018, pp. 165–184. (In French)
13. *Poétiques et poésie de l’insecte*, éd. de Y. Daniel, A. Montandon et J. Wilker. Paris, Honoré Champion, 2023. 382 p. (In French)
14. Sukiennicka, Marta. “Charles Nodier et la fin du genre humain.” *Arts et Savoirs [en ligne]*, no. 7, 2016, pp. 1–13. Available at: <http://journals.openedition.org/aes/929> (Accessed 29 January 2025).
15. Sukiennicka, Marta. “Charles Nodier et la tour de Babel des sciences.” *Arts et Savoirs [en ligne]*, no. 14, 2020, pp. 1–20. Available at : <http://journals.openedition.org/aes/3156> (Accessed 29 January 2025). (In French)

Статья поступила в редакцию: 29.02.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 29.02.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025